

**86-е заседание семинара
«Проблемы рациональной философии»**

20 октября 2011 года, 15.00

Тезисы доклада

В.И. Пржиленский

**РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Если верить сообщениям прессы, экс-премьер Великобритании М.Тэтчер однажды заявила: «Такой вещи, как общество, не существует. Есть отдельные мужчины, отдельные женщины, и есть семьи»¹. Был ли этот тезис подсказан «железной леди» кем-то из философски образованных референтов как аргумент против расширения социальных программ, явился ли он результатом случайного знакомства с какими-то рассуждениями, типичными для английской интеллектуальной традиции, не суть важно. Вольно или невольно, но легендарный политик просто процитировала то, что можно найти на страницах специальных книг, в которых обсуждается вопрос об онтологическом статусе универсалий. При этом как мы видим, семья – это реальность, а общество – нет. Целая наука – социология – начинается с признания того, что общество – это особая реальность, подобная физической, но имеющая свои собственные законы. При этом вопрос о том, существует ли физическая реальность интересует только философов. Физикам он может показаться абсурдным – их волнует только вопрос: как она существует и какими свойствами обладает?

Понятие реальности выделяется даже среди других философских понятий: ему в большей степени, нежели другим философским концептам, свойственно вызывать, выражаясь языком Гильберта Райла, систематические затруднения. Действительно, понятие реальности выполняет в процессе

¹ www: http://moikompass.ru/compas/margaret_tatchet

философствования особые функции и имеет в пространстве философского дискурса, как в прочем и в обыденном словоупотреблении, совершенно исключительные полномочия. И те затруднения, которые понятие реальности вызывает систематически, о чем и свидетельствует полемика вокруг реализма, берущая начало в средневековой философии и длящаяся по сей день, с лихвой компенсируются колоссальной объяснительной ролью, которую играет данное понятие в обсуждении таких тем как субъективное и объективное, мир и сознание, знание и незнание, истина и заблуждение, открытие и сотворение. Более того, именно здесь происходит одна из точек соприкосновения теоретического и повседневного, научного и донаучного.

В генезисе и начальной эволюции понятия реальности нельзя обнаружить ничего, что предвещало бы его особую роль в современном нам пространстве философствования. Будучи одним из вспомогательных концептуальных образований, призванном облегчить бремя позднесхоластической метафизики, «реальность» выступала как плод в высшей степени умозрительных конструкций. Это понятие обозначало нечто общее, присущее всем вещам и во многом повторяло парменидовско-платоновский путь концепта бытия. Ко времени Декарта в университетах предлагалось уже совсем в аристотелевском духе различать три реальности: формальную, объективную и актуальную. Но при этом, она все еще проходила по ведомству акциденций, а не субстанций.

Тогда же под влиянием новой физики с концептуальной парой «res» – «realitas» происходит неожиданная инверсия: в XVII веке реальность «превращается» в сверх-вещь, а еще позднее, в XIX веке – в сверх-процесс². А вещи «становятся» чем-то вроде проявлений реальности, их частными случаями, фрагментами, частями. Таким образом, «вещь» и «реальность» как будто меняются своими онтологическими статусами. И вот уже слово «реальность» становится синонимичным таким словам как «мир», «бытие», «существование». Но при этом в философских трактатах и научных статьях

² Подробнее об эволюции понятия реальности см.: Пржиленский В.И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. 2010. № 11. С.

крайне трудно найти сколь-нибудь внятное определение понятия реальности, словари скорее ухудшают ситуацию. А вот примеров его использования для определения других понятий – сколько угодно. Вспомним хотя бы ленинское: «материя – есть объективная реальность ...».

В трудноопределимости понятия реальности воистину кроется какая-то загадка. Да и при обращении к понятию реальности в поисках ответов на онтологические или эпистемологические вопросы как будто автоматически возрастают семантические затраты. Сам объект, именуемый реальностью «перебрался» в разряд очевидных. Мы спорим уже о том, познаваема ли реальность, сводима ли она к комплексу ощущений, определяема ли она посредством дифференциального уравнения второго порядка в частных производных. Вопрос о том, существует ли реальность, кажется менее уместным, нежели вопрос о доказательстве существования внешнего мира. «Мир» незаметно переместился в пространство теории, тогда как «реальность» выбыла из него.

Понижение статуса реальности автоматически приводит к онтологизации чего-то другого, например единичных вещей, у которых дарованное еще Аристотелем право владения актуальным бытием (предельной степенью бытия) было «отобрано» в ходе новоевропейской научной революции и становления картезианства. А можно и к самому бытию (М. Хайдеггер) или к фактам, из которых состоит мир (Л. Витгенштейн) или к человеческим действиям, из которых состоит общество (М. Вебер).

Одним из возможных объяснений ситуации, складывающейся с понятием реальности в современной философии, науке и той самой ничьей земле, где встречаются друг с другом не только «чистые представители» двух последних, но и адепты религиозного миропонимания, а также те, кто обитает в пространстве научно-популярной литературы. Надо же таким теоретикам как Р. Пенроуз не только вставлять в заголовки своих книг это роковое слово, но и не оставлять сомнений в том, что физики не задаются

вопросом о том, есть ли реальность и конструируется ли она³. При этом физикам не нужен разговор о мире, они обсуждают реальность. Мир для них – это скорее философское понятие, а вот о реальности можно говорить вполне научно и вполне профессионально. При этом именно реальность наделяется структурой, свойствами и законами, которые выражаются математическими формулами.

Демонстрируемый физиками подход к пониманию концепта «реальность» не является альтернативой философскому. Именно философы способствовали именно такому развитию идеи реальности. Но философы же первыми стали преодолевать его. Так, еще в начале прошлого века Б. Рассел писал: «Логика, которую я буду отстаивать, является атомистичной в противоположность монистической логике тех, кто более или менее следует Гегелю. Говоря, что моя логика атомистична, я имею в виду, что разделяю убежденность здравого смысла в существовании многих отдельных предметов. Я не рассматриваю наблюдаемое многообразие мира как то, что состоит только из фаз и мнимых членений единственной нераздельной Реальности»⁴. Приписываемая Гегелю и его последователям точка зрения, на самом деле широко распространена и разделяется как физиками, так и философами. А когда философы захотели вернуться «к самим вещам», то физики довольно быстро нашли замену «единственной нераздельной Реальности» в восточной философии, включающей русский космизм и в экзотических магических практиках. От Э. Шредингера до Ф. Капры естествоиспытатели не просто демонстрируют интерес к компаративистике, но интуитивно протестуют против ведущих трендов философской мысли.

Говоря о ведущих трендах, я имею в виду, прежде всего, посттеоретический характер современной философии. Парадоксально, но именно философы, впервые освоившие теоретизирование как особый вид мышления и активно использовавшие его для объяснения явлений и систематизации знания, первыми стали критически дистанцироваться от

³ Пенроуз Р. Путь к реальности, или Законы, управляющие Вселенной. М.; Ижевск, 2007.

⁴ Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. С 4.

него. Так, провозглашенный еще Кантом девиз критической регуляции теоретического знания, в XX веке стал основным содержанием таких направлений как прагматизм, феноменология, аналитическая философия. До сих пор все философы, за исключением скептиков и нигилистов, мыслили свою деятельность как созидание теорий. Просто во времена Платона философы трудились над созданием теории мира, а в эпоху Декарта и Канта целью философской активности становится теория познания. Место спекуляции в новое время занимает рефлексия, но само теоретизирование остается сутью всякого философствования. И лишь в XX веке философы стали все чаще заявлять об отказе от «поиска оснований»⁵.

Одним из главных своих назначений посттеоретическая философия видит в утилизации значительной части существующего теоретического знания. Второй, не менее важной функцией посттеоретической философии можно считать задачу повышения безопасности при «эксплуатации» всего остального теоретического знания, то есть знания, еще не пришедшего в полную негодность. И, наконец, третьей своей задачей посттеоретическая философия провозглашает контроль над процессами продуцирования нового теоретического знания.

Обострение ситуации вокруг понятия реальности связано главным образом с тем, что данное понятие играло центральную роль не только в формулировании оснований новоевропейских философских теорий, но и обеспечивало их конвертацию в предметно-терминологические области частных наук, а также способствовало их переводу на язык здравого смысла. В условиях доминирования посттеоретического мышления на первый план выходят инструментальные, а не мировоззренческие функции понятия реальности, что и проявляется в активном развитии конструктивизма, который, на самом деле, является не столько альтернативой реализму, сколько сигналом о снятии дихотомии «реализм – антиреализм» в пользу

⁵ Подробнее о посттеоретической философии см.: Пржиленский В.И. Посттеоретическое мышление // Философские науки. 2010. № 2. С. 143-144.; Пржиленский В.И. Созерцание, рефлексия и коммуникация в современной культуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С. 23-28.

решения частных задач, предполагающих оперирование схемами, фреймами и иными ментальными структурами.

Пржиленский Владимир Игоревич – д.филос.н., проф., профессор
кафедры философии МГЮА имени О.Е. Кутафина,

тел. +79165360208

e-mail – vladprnow@mail.ru